

Задача писателя – видеть ловушки жизни

Алексей Иванов – об экранизациях, критике. И о том, что главная проблема нашего времени – не санкции, не Украина, а Интернет

Наталья ШАДРИНА,
Пётр КАБАНОВ

На сегодняшний день Алексей Иванов — пожалуй, один из самых популярных российских писателей. Не успели мы насладиться его художественным романом «Ненастье», как он уже представил читателю историко-документальную книгу «Вилья». На подходе у уральского автора роман под названием «Тобол». Совсем недавно Алексей Иванов за свой роман «Ненастье» получил премию «Книга года». С этим же произведением автор — в списке финалистов «Большой книги».

— Алексей, 10 лет подряд вы отказывались от участия в премиях. И только в этом году мы снова увидели вас в списке соискателей. Почему всё-таки решились?

— Скажу сразу, что в целом я хорошо отношусь к институту литературных премий. Но лично для себя в этом процессе я места не нашёл. Видно, не пришёлся ко двору. Из «Русского Букера» мой роман «Сердце пармы» даже вывели с нарушением регламента и с формулировкой «за отсутствие признаков романа». Опаньки. К премиям я относился серьёзно, переживал, а напрасная нервотрепка мне ни к чему. Ну, я и отодвинулся в сторону на десять лет. С опытом я понял, что лауреат премии должен отвечать какому-нибудь из трёх условий: либо быть участником московской литературной тусовки, либо быть лояльным к этой тусовке, либо являться «фигурой компромисса». А я не отвечаю ни одному условию.

Сейчас я начал издательство в издательстве АСТ в «Редакция Елены Шубиной», и там меня убедили вернуться в премиальный процесс. Я человек вме-

няемый, потому и вернулся. Посмотрим, что из этого получится, ведь трём волшебным условиям я по-прежнему не соответствую.

Злодеи благодарили меня за книгу

— Те времена, когда приходилось писать в стол, далеко позади. Сегодня ваши произведения с удовольствием экранизируют. Серил по роману «Ненастье», как известно, собрался снимать телеканал «Россия».

— Да. Скажу прямо: киношники любят мои романы. Первое предложение по экранизации «Ненастья» я получил ещё до того, как вышла книга. Кино-студия хотела купить права, даже не прочитав произведение. Конечно, впопыхах я действовать не стал, а подкинул варианты. В итоге было шесть предложений. Я выбрал канал «Россия», потому что в наше финансово нестабильное время федеральный канал — самый надёжный партнёр. И сейчас уже идёт подготовительная работа. Думаю, летом 2017-го начнутся съёмки.

— В романе место действия очень завуалировано. Хотя есть черты, по которым мы узнаём Екатеринбург. В таком случае, где будет сниматься сериал?

— Вот вы так хитро выразились — «завуалировано», а на самом деле в романе действие происходит во вполне конкретном городе Батуеве. Да, он вымышленный. Как и афганский город Шурам, и индийский город Винараямпур с деревней Падхатги, описанные в романе. Много раз слышал, что якобы я написал про Екатеринбург. Ничего подобного. Екатеринбург — город яркий, выразительный, субто индивидуальный, узнаваемый, с мощным культурным и историческим бэкграундом, со своими

Екатеринбург — любимый город Алексея Иванова. Но в последнее время на Урале он бывает нечасто — слишком много рабочих поездок по России

стратегиями жизни. Поэтому я специально не стал помещать его в роман, чтобы не заслонять им то, о чём пишу. Батуев — «никакой» советский город с домными мультоткажами, с дачами культуры, с ЦПКИО, без всяких достопримечательностей. Конечно, история афганцев взята из Екатеринбурга, но она не переписана один в один. В таких случаях принято говорить «по мотивам». Так что снимать сериал могут в любом месте, сохраняющем облик «никакого» советского города.

а из третьего, и не по Васе, а по Феде!

Не надо болтаться у режиссёра под ногами

— На данный момент одна из самых знаменитых экранизаций ваших книг, безусловно, «Географ глобус пропил».

— Этим фильмом я очень доволен. Однако в его создании я никакого участия не принимал. Например, авторы фильма сами решили снимать на той натуре, которую я описывал в романе: на том же затоне, возле которого жил мой герой, и в той школе, где сам я учился все десять лет. Разумеется, я был только за.

Я считаю, что при экранизации автору лучше держаться в стороне. Если ты доверяешь режиссёру, не надо мешать ему, надо болтаться у него под ногами и дёргать его за рукава. Пусть он делает, как считает нужным. Зона ответственности писателя — роман, а фильм — зона ответственности режиссёра.

— По «Ненастью» будут снимать сериал. Вы также отметили, что это ваш любимый формат. Чем он вас привлекает?

— Сериал сериалу рознь. Моя любимая форма — драматический сериал, но не скетчком или ситком. Суть драматического сериала в том, что в нём сочетаются сразу несколько парадигм. Возьмём, скажем, знаменитую «Игру престолов». В ней фантазия органично сочетается с историческим натурализмом. Это противоположные художественные системы. Одна — вымысел, другая — гипертеоретизированная реальность. Однако авторам удалось их совместить, и получился такой продукт, который вызвал ураганный интерес. За этой художественной стратегией я и вижу будущее кино, и литературы. По этой стратегии я пишу сейчас роман «Тобол» о петровских временах в Сибири, когда на реальной основе и на реальной исторической фактуре будут задействованы фантазия и политический детектив.

— Возможно, права на ваш роман купят западные кинокомпании?

— Не купят. Роман я пишу по собственному сценарию восьмисерийного фильма, по которому уже началась работа в Тобольске строят декорации, в Москве подбирают актёров. Например, Петра I будет играть Дмитрий Дюжев, тобольского зодчего Семёна Ремезова — Дмитрий Назаров, а митрополита Филофея — Александр Михайлов. Съёмки начнутся в феврале.

Ну, а если иностранцы захотят купить у меня права — пожалуйста, я не буду возражать. Правда, не знаю, что предлагать. Я уже все продал («Сердце пармы» взялся Сергей Бодров, а он теперь голливудский режиссёр. Он будет снимать кино с привлечением, так сказать, голливудских художественных сил. И его картина предназначена для проката по всему миру. Современный зритель любит фантастику, а из «Пармы» легко сделать

нечто с атмосферой фантастики, хотя роман исторический.

Критики нет. Есть самовыражение критиков

— Вы довольно часто разъясняете смысл своих произведений. Разве писатель должен это делать, ведь он уже всё сказал?

— Я жую на встрече с читателями не для того, чтобы растолковывать свои произведения. Я отвечаю на вопросы. Но читатели часто просят объяснить что-либо в романах. Видимо, читателям не хватает тех кудрых суждений, которые соизволяет изречь наша критика, вот они и спрашивают напрямую у автора. Увы, в современном литературном процессе критика практически нет. Есть самовыражение критиков, которые за счёт чужих книг расказывают, какие они умные, продвинутые, модные и смелые.

У нынешней критики два основных инструмента работы с произведениями: поверхностные ассоциации и конспирология. Возьму для примера все того же «Географа». Я написал его двадцать лет назад, и он до сих пор бестселлер, так что меня нельзя заподозрить в недовольстве судьбой этой книги. Поверхностные ассоциации выглядят так: роман (кино) про учителя — значит, поставим его в ряд произведений про учителя. Например, сравним с фильмом «Доживём до понедельника». Вывод — роман (кино) про деградацию человека. Всё, приехали. А «Географ» вообще-то отсылает к «Идиоту» Достоевского, но ведь главный герой учитель, а не князь, поэтому отсылка не замечена критиком: думать-то критик не собирался. И произведение получает ложную интерпретацию. Другая стратегия — конспирология. То есть поиск объяснений вне текста. Конспирологическая кри-

тика выглядит так: автор, видимо, алкаш, вот он и написал роман, воспевающий алкашей. Следовательно, в этом произведении извращённая мораль. И мы получаем ложную оценку. Зато критик весь в белом: он разоблачил идеологического диверсанта.

Любому автору, не только мне, хочется нормального разговора о том, что он написал. Поэтому приходится объяснять самому, так сказать, задавать темы и параметры разговора. Если культура нравственно здорова, то разговор с читателем или рефлексия критика существуют в формате апологетического дискурса. Апологетика — это не восхваление, не комплименты, а поиск рациональных обоснований. То есть обсуждение «Почему написано так, а не иначе», а не поучения «Как надо было написать».

— Вы очень плодотворный автор. Как организован ваш рабочий процесс?

— Плодотворный автор — тот, у кого в магазине ряд романов длиной в три метра. Когда я стал писателем, московские критики меня предупреждали, что в нынешних условиях нужно выдавать два романа в год, а лучше все четыре. Иначе автора забудут. Я был в токсе и унынии: такие темы для меня были неприемлемы, и писать больше своего романа в год я не собирался. Я решил: буду работать, как мне органично, и пускай меня забывают. И писал по роману за год или два. За двадцать лет работы появилась дюжина книг. Это не много и не мало, но считать меня плодотворным автором некорректно. А вообще я просто много работаю, не тусуюсь, не бухаю и не трачу времени напрасно.

Главная проблема нашего времени

— Вы уже много написали о 90-х. А если бы писали кни-

гу о первой четверти XXI века, о чём бы она была?

— Я уже написал такую книгу. Она называется «Комьюнити». Задача русского писателя — видеть замаскированные ловушки жизни. Но, оказывается, читателю очень неприятно, когда он считает, что вокруг всё о'кей, а ему говорят, что он по уши в проблеме. И роман многих просто забесил.

Я полагаю, что главная проблема нашего времени — не санкции, не Украина и даже не демократия. Главной проблемой стал Интернет, точнее, перенос законов Интернета в реальную жизнь. Это страшный вызов культуре. Дело вовсе не в том, что в соцсетях говорят правду — там лгут ещё больше, чем в прессе, а про безграмотность и говорить нечего. Дело в том, что в реальном мире мы начинаем жить так, как живём в соцсетях.

Если Интернет обещает потребителя «поймёт», чего тебе не хочется знать, ты этого и не узнаешь. Ты будешь жить в приятном информационном мире, сгенерированном Интернетом, который с реальностью имеет мало общего, пока реальный мир не прихлопнет тебя, как комара, газетой. А Интернет потихонечку уже начинает «понимать» людей: появляются рекомендательные сервисы, агрегаторы подстраиваются под вкусы клиентов. Это и есть пресловутое «восстановление машины», а вовсе не терминаторы с лазерами. «Девочки, живущие в Сети», как пела Земфира, и сетевые сектанты — уже давно объективность — уже давно грозит любому, кто переставит проблематизировать свое бытие.

Никакая технология не сможет проблематизировать бытие. А писатель может. В этом и заключается роль писателя в XXI веке.

Настя Полева и Егор Белкин на сцене, Илья Кормильцев виртуально тоже присутствует

«Это так просто — сочинять песни...»

Евгений ЯЧМЕНЁВ

29 сентября в Ельцин-Центре прошёл День Илья Кормильцева с виртуальной лекцией, показом документального фильма «Зря ты новых песен...» и концертом с песнями на его стихи. Описать в жанре репортажа происходившее в Ельцин-Центре вряд ли нужно — кто действительно хотел, тот пришёл сам, а в пересказе, как ни старайся, это будет выглядеть пошло.

Кстати, с датой не совсем понятно. Некоторые коллеги утверждали даже, что мероприятие приурочено к дню его рождения, тогда как во всех доступных источниках указано, что родился Кормильцев 26 сентября. Впрочем, кинолетописец свердловского рока и близкий друг Кормильцева Олег Ракович ситуацию ещё больше запутал, рассказав давнишнюю байку про то, что по словам самого Илья, родился он вовсе 22-го, но чтобы он был не Девой, а Весами, бабушка настояла на внесении в метрику другой даты...

Разумеется, персону такого масштаба, как Кормильцев, должны окружать мифы, байки и легенды. Хотя для многих в Екатеринбурге он был реальным человеком из плоти и крови, с которым вот так запросто разговаривали, выпивали, спорили и даже иногда ругались. Но, пожалуй, должно прийти какое-то, пусть небольшое, время, чтобы до конца осознать — рядом с нами жил человек масштаба гения, коих за

Почему Пастернак «удрал с Урала без задних ног»?

Ирина КЛЕПИКОВА

Можете себе представить: под одной обложкой — история литературно-го Екатеринбург от начала существования города по сегодня? Почти три века, однако. И тем не менее энциклопедическое издание, о котором в разные времена мечтали корифеи уральской словесности, вышло в свет. Объёмный литературный портрет города, в котором соединились имена, стили, названия, цитаты, жанры, события, тенденции, образы, цифры, даты. И почти на каждой из 500 страниц — открытие.

Знаете ли вы, что...

Почему в 1988 году Евгений Егупович по пути в Иркутск совершил вынужденную посадку в аэропорту Кольцово вместе с профессором славистики из США? Когда и по какому поводу Маяковский написал «Словом, примите меня в Екатеринбург»? Зачем, приехав в Свердловск в 1941 году на два дня, Александр Фадеев заходил в обком партии? Чем «соболезнили» в Екатеринбурге Достоевского, возвращавшегося из Сибири? Что за магнитофонную запись подарил на Урале Джеймсу Олдриджу? Наконец, знаете ли вы ответ на вопрос, заявленный в заголовке? А вопрос точнее — повод к нему, дёрнут, между прочим, из книги. Я сама прежде, во всяком случае о Пастернаке, такого не знала. Любопытно? Да. Интригует и хочется погрузиться глубже в любую из историй? Безусловно. Только иметь в виду: все бывавшие в Екатеринбурге знаменитости — всё равно что «гости» и в самом издании. Украшают, но не определяют пространство. Главное всё же — сами уральцы.

Резонно возникает вопрос — насколько полно представляется картину «Екатеринбург литературный»? Количество статей вряд ли даст ответ, хотя... Только персонал (от именитых Майи Никулиной, Германа Дробиза, Владислава Крапивина до моло-

дых авторов) в словаре-энциклопедии более 500. Но словник издания составлялся не только по принципу имён. Наравне с именами общую картину представляют явления литературной жизни — уральская фантастика, уральский-свердловский рок, свердловский андеграунд и т. д. В этой же «категории» — литература Урала военных лет, первый съезд советских писателей (1934 г.) и участие в нём уральцев, писательская организация Урала в годы сталинских репрессий, цензура. Всё это отдельные, самостоятельные истории, но каждая — часть масштабного целого, именуемого литературной жизнью Урала. И без них эта литературная жизнь была бы неполной.

Так же, как неполной была бы она, не представь создатели энциклопедии всех участников литературного процесса. Собственно литературники, писатели и поэты — сами собой. Но есть ведь ещё те, кто их издает, есть критики, есть редакция, сиюминутно отражающая литературные события. Всё это — те же «кванты» литературного единства, но обо всех ли мы знали до сих пор? С большой долей вероятности могу предположить: для массового читателя «Областная газета» не нуждается в представлении «ОГ» тоже вошла в энциклопедию отдельной статьёй как издание, отражающее современный литературный процесс), но кто знает, например, о сборнике «Урал — земля золотая», который в 1930–40-х представлял тогдашних уральских литераторов? В энциклопедии рассказано о нём. А ещё о журнале «Юный пролетарий Урала», уральской писательской премии «Чаша круговая», ассоциации «Книжный клуб», мастерах художественного слова...

Кстати, география энциклопедии в процессе работы над ней оказалась шире, чем заявлено в названии. Помимо писателей Екатеринбурга, в издание вошли статьи о литераторах Каменска-Ураль-

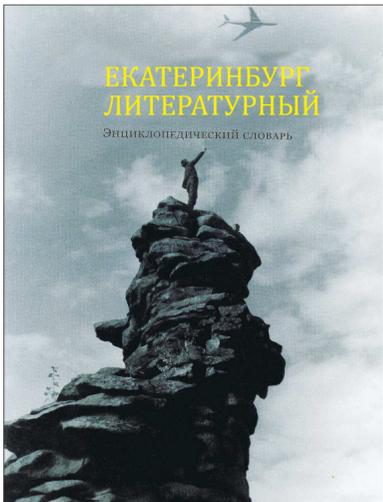
ского, Алапаевска, Нижнего Тагила и других городов области. Вне зависимости от места проживания они входят в единое профессиональное сообщество, писательские союзы, работающие в столице Урала, а стало быть — «они наши», решили составители.

«Уральский самиздат, увы, не осилили...»

Не всё безупречно. И другому вряд ли могло быть, учитывая, что масштабный замысел осуществлялся, строго говоря, «могучей кучкой» (абсолютно без иронии!) энтузиастов. Как и многое в нашей культуре. Только на последнем, издательском этапе «Екатеринбург литературный» финансово поддержали журнал «Урал» и Объединённый музей писателей Урала. Но всю работу по сборнику контента взяли на себя шесть человек. И понимали, что берется за непосильный объём. Но как там у классика? «Безумству храбрых...»

Иные из помощников сходили с дистанции, не вынеся долгих трудов. Но замысел, возникший почти десять лет назад, осуществлён. И хотя издание успевают в прокравахиха туда нескольких анахронизмов, хотя местами сохранился разногласия в статьях разных авторов, хотя не всё, на что замечались, удалось (главный редактор издания доктор филологических наук, профессор Елена Сокина признаётся: не достало сил, знаний и времени для полного исследования такого любопытного явления, как уральский самиздат) — тем не менее вряд ли кто откажется признать: в культуре России состоялось событие. Поднят, исследован, зафиксирован в разных своих проявлениях гигантский пласт отечественной литературы.

Издательство «Кабинетный учёный», выпустившее «Екатеринбург литературный», имеет свои площадки в столичном пространстве (и даже в Лондоне, Тель-Авиве, Париже), так что возможные

перспективы распространения энциклопедии заманчивы. Только вот насколько доступно издание будет самим уральцам?

Тираж невелик — 500 экземпляров, но проблема, в общем-то, не в этом. Поскольку даже в Год литературы идея фундаментального историко-литературоведческого и справочного издания не удостоилась официальной поддержки в регионе, то сейчас большой вопрос — попадёт ли хоть сколько-то экземпляров в библиотеки области? Отдельные книголюбцы, которые смогут позволить себе приобрести книгу (1 300 рублей — цена немалая, но адекватная масштабам и достоинствам издания), будут счастливы. Но не слишком ли расточительны мы в отношении своего интеллектуального наследия? Издание достойно ценной читательской реакции, многократного пользования. Учитывая, что гораздо более скромный аналог этого труда был издан ровно 30 лет назад, «Екатеринбург литературный» скорее всего сохранит свою актуальность не на одно десятилетие, не для одного поколения читателей.

Стартовал приём работ на Бажовскую премию

Екатеринбургское отделение Союза писателей России начинает приём работ на соискание Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова.

В этот раз жюри определит победителей в четырёх номинациях: «Мастер. Проза», «Мастер. Поэзия», «Мастер. Публицистика» и «Полезна дела». К участию в конкурсе принимаются произведения, опубликованные в период с 15 декабря 2015 по 1 января 2016 года. Приём работ продлится до 15 декабря текущего года. Документы необходимо представить по адресу: г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12. Полный список необходимых документов можно узнать в Екатеринбургском отделении Союза писателей России и на официальном сайте министерства культуры Свердловской области. Итоги будут подведены 27 января 2017 года. Пётр КАБАНОВ

«Корабль дураков» Виталия Воловича

Вышла в свет книга «Корабль дураков» народного художника России, одного из современных классиков книжной графики Виталия Воловича. — Когда я пятьдесят лет назад иллюстрировал свою первую книгу — «Слово о полку Игореве» — иллюстрация была одним из самых важных дел, каким занимались художники. — рассказывал на презентации книги автор. — А сейчас это умирший способ художнического существования.

Иллюстрация в этой книге занимает гораздо больше места, чем это принято в традиционном книгоиздании. Как говорит сам Волович, текст и рисунок в ней могут не совпадать буквально, но создают пространство, порождают ассоциации, которые необходимо осмыслить. Жанр книги — сатирическая комедия, сопровождаемая, по словам автора, великими текстами — из Ветхого Завета, поэзии гигантов, Пушкина и Губермана, протоколов инквизиции. «Корабль дураков» — аллегория, рождённая более пятисот лет назад немецким сатириком Себастьяном Брантом а вскоре вслед за ним и нидерландским художником Иеронимом Босхом. С тех пор к этому образу обращались многие великие. Теперь в этом ряду и Виталий Волович.

Евгений ЯЧМЕНЁВ

Ушёл из жизни писатель и художник Пинаев Евгений Иванович. 28 сентября не стало Евгения Ивановича Пинаева — многолетнего автора журналов «Урал» и «Уральский следопыт», члена Союза российских писателей, лауреата премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, Международной литературной премии им. В.П. Крапивина и Литературной премии Уральского федерального округа. Евгений Иванович также — известный на Урале художник-маринист: морские полотна Евгения Пинаева пропитаны любовью к океану, парусам, романтикой морских путешествий. Он иллюстрировал многие произведения Владислава Крапивина. Евгений Пинаев будет похоронен в посёлке Калиново, где жил последние время. Ему было 83 года. Редакция «ОГ» выражает соболезнование родным и близким писателя и художника.